

зы метеорологических явлений, образы неживого мира – предметные, ботанические, дендрические и образы живого мира – антропоморфные и орнитологические.

Таким образом, в обыденном сознании информационно-понятийный компонент экспонируется когнитивными признаками, дающими характеристику *грозе* как комплексному природному явлению. Особенностью понятийного компонента является внимание реципиентов к качественным характеристикам *грозы*. Количественные характеристики, показывающие *грозу* как бурную, значительную по напряженности и степени проявления, либо ослабевающую, прекращающуюся природную стихию, немногочислены.

Таким образом, интерпретационное поле концепта *гроза* в обыденной картине мира отражает имеющиеся в обыденном сознании критерии, выражающие эмоциональную, утилитарную, эстетическую и гедонистическую оценки.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что концепт *гроза*, объективирующий обыденное сознание, является специфическим уровнем отражения действительности, который включает житейские представления об атмосферном явлении, обыденные знания о его физической сущности, механизмах проявления и ценностное отношение к наблюдаемому процессу, исходящие из представления о *грозе* как источнике опасности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Агапкина Т.А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне–летний цикл. – М.: Индрик, 2002. – 816 с.
2. Варбот Ж.Ж. О загадке красоты грозы // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60–летию А.А. Зализняка. – М.: Индрик, 1996. – С. 744–749
3. Всеволодова М.В. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. – М.: Русский язык, 1982. – 264 с.
4. Горелова В.Н. Обыденное сознание как философская проблема. – Пермь: Пермский сельхоз. ин-т, 1993. – 167 с.
5. Кошарная С.А. Миф и язык: Опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира. – Белгород: БГУ, 2002. – 288 с.
6. Кравченко А.В. Феноменология мира: пространство и время // Материалы научной конференции. – М.: Диалог – МГУ, 1997. – С. 61–72
7. Маклаков А.Г. Общая психология. – СПб.: Питер, 2000. – 592 с.
8. Попова З.Д. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку // Антология концептов. / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Волгоград: Парадигма, 2005. – Т.1. – С. 7-10

Юрий СИТЬКО

□ 2006

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ А.А.ПОТЕБНИ

Акад. Л. В. Щерба писал, что в дореволюционной России было три выдающихся лингвиста-теоретика: А. А. Потебня, И. А. Бодуэн де Куртенэ и Ф. Ф. Фортунатов [Щерба, 1957: 89]. Методологические взгляды первого из них являются объектом пристального внимания в этой статье.

В отечественной и, отчасти, зарубежной лингвистической историографии принято говорить об Александре Афанасьевиче Потебне как об оригинальном и глубоком мыслителе. С.Крымский отмечал, что «Потебня одним из первых в России поставил на по-

чву точного фактографического исследования разработку вопросов истории мышления в его связи с языком» [Крымский, 1967: 327]. Ф.П.Филин отмечал, что Потебня значительно опередил в своих взглядах западноевропейских лингвистов-теоретиков [Филин, 1941: 6]. Иначе оценивает степень новизны взглядов Потебни исследователь его творчества И. Физер. «Хоча теорія Потебні не була ні історично, ні синхронно новаторською на Заході, вона виявилася цілком новою в Російській імперії», – отмечает американский ученый [Фізер, 1993: 8]. В этих словах отчетливо просматривается след распространенного мифа о Потебне как гумбольдтианце и психологисте школы Штейнтала.

Как бы там ни было, но до сих пор практически любое исследование творчества Потебни проникнуто пиететом к его взглядам. Несмотря на это, взгляды Потебни не получили, как нам кажется, должного развития. Как отмечает В. А. Глущенко, «Концепція О. О. Потебні залишилася непоміченою в історичній фонетиці та в лінгвістичній історіографії, не була належно оцінена ні сучасниками О.О.Потебні, ні мовознавцями наступних поколінь» [Глущенко, 1998, II: 16]. Так, одно из наиболее крупных и авторитетных исследований лингвистической концепции Потебни рассматривает ее всего лишь сквозь призму грамматических идей В.В.Виноградова [Білодід, 1977], которые, на наш взгляд, принадлежат к принципиально иной методологической парадигме. В 1941 году Ф.П. Филин писал: «Перед советскими лингвистами стоит большая задача – критическое использование наследства Потебни. Потебня плохо изучен, хотя писали о нем немало; еще меньше использованы его лингвистические достижения» [Филин, 1941: 11]. Это высказывание актуально до сих пор. Мы присоединяемся к высказываниям Глущенко и Филина, считая, что не только лингвистические, но и методологические взгляды Потебни не были в достаточной мере осознаны лингвистами.

Как отмечают многие исследователи, в основу концепции Потебни легли идеи И. Канта, понятые сквозь призму работ В. Гумбольдта и Г. Штейнтала [Филин, 1935; Фізер, 1993; Бондарко, 1985; Кацнельсон, 1985, I; Филин, 1941]. И. Физер отмечает принципиальную вторичность лингвистической теории Потебни, характеризуя ее как «безхитрісний синтез філософії Вільгельма Гумбольдта і психології Геймана Штейнтала» [Фізер, 1993: 7]; к такой же оценке тяготели о. Павел (Флоренский) и Г. Г. Шпет [Флоренский, 1990; Шпет, 1989]. В противовес им, С. Д. Кацнельсон отстаивал оригинальность лингвистических взглядов Потебни, признавая лишь философское влияние В. Гумбольдта и Г. Штейнтала на взгляды Потебни [Кацнельсон, 1985, I]. Последняя точка зрения, хоть и не общепринята, но все же распространена в отечественной науке [Березин, 1979; Бондарко, 1985; Супрун, 1971; Филин, 1935; Франчук, 1975; Франчук, 1986; Франчук, Рождественский, 1990]. Большинство историков языкознания обычно ограничиваются лишь указанием на связь взглядов Потебни с психологической школой XIX века, как это сделал И. Физер в приведенной выше цитате. Существует немного работ, посвященных собственно рассмотрению философских корней взглядов Потебни. Так, например, едва ли не единственная из работ, посвященных исследованию собственно методологических оснований взглядов А.А. Потебни [Колесов, 1985], останавливается лишь на особенностях сравнительно-исторического метода в трудах Потебни и практически обходит вниманием собственно философско-методологические основания взглядов ученого. Зачастую оценка методологических взглядов Потебни некорректна, поскольку осуществлялась с позиций иных методологических направлений и в запале полемики¹¹. Среди работ, исследующих собственно методологические основания взглядов Потебни следует отметить статью Ф. П. Филина [Филин, 1935], которая до сих пор остается наиболее подробным анализом методологической позиции Потебни и ее соотношения с работами его предшественников в области философии, лингвистики и

¹¹ Ярчайшим примером такой критики мы считаем работу [Соколов, 1903], в которой автор критикует Потебню из «вторых рук» И.Белорусова. Подробному анализу и опровержению этой критики посвящена глава из работы [Глущенко, 1998].

психологии¹². На наш взгляд, указанное исследование Филина до сих пор не потеряло своей актуальности.

Не ставя под сомнение взгляды исследователей творчества Потебни на происхождение его теорий или на их ценность, мы будем исходить из допущения об относительной оригинальности лингвистических взглядов Потебни и о влиянии на его взгляды Гумбольдта, Штейнталя, Лотце и Лацаруса. Эта априорная оценка концепции Потебни, с одной стороны, объясняется тем, что взгляды иностранных ученых и их судьба в отечественной лингвистической традиции не являются предметом нашей работы и выходят за хронологические или культурологические рамки объекта исследования. Но, с другой стороны, есть все основания полагать, что лингвофилософские взгляды всех перечисленных представителей т.н. «психологизма» существенно отличаются от взглядов харьковского лингвиста. Однако эта тема требует специальной тщательной проработки, что не было целью нашей работы. Поэтому мы ограничимся указанием на определенную связь взглядов указанных ученых, с одной стороны, и Потебни, с другой, что уже стало триумфом в историографии отечественного языкознания.

Лингвистическая концепция Потебни представляет собой уникальный случай в истории отечественной лингвистики, поскольку она вся проникнута философскими убеждениями автора. «Нечего и говорить, насколько важно понять философскую сторону исследований Потебни, ибо без нее нельзя ступить и шагу в рассмотрении того или иного конкретно языкового вопроса в его работах», – отмечал Ф.П. Филин [Филин, 1935: 125]. Прежде, чем перейти к рассмотрению собственно лингвистических взглядов Потебни, мы остановимся на анализе его общеполитических взглядов (в первую очередь его ранней работы «Мысль и язык» [Потебня, 1993]).

Потебне, особенно в ранний период, было свойственно относительно бесструктурно излагать свои мысли, что затрудняет восприятие мыслей ученого и сыграло, на наш взгляд, злую шутку с его последователями. К тому же Потебня часто был вынужден выражать свои мысли «эзоповым языком» (подробнее об этом см. [Федорова, 1981]). Д. Н. Овсяннико-Куликовский по этому поводу отмечал: «Надо сказать правду, для недостаточно подготовленных сжатость стиля Потебни является весьма огорчительным камнем преткновения. Книги Потебни нельзя ‘просто’ читать, или ‘почитывать’: их приходится ‘разучивать’, ‘штудировать’, – и это дело не из легких» [Овсяннико-Куликовский, 1989, II: 484]. Мы, в нашем анализе, попытаемся свести методологические высказывания Потебни к по возможности структурированной форме.

Философия языка А. А. Потебни

Характеризуя онтологию поэтического произведения в концепции Потебни, И. Физер писал: «Потебніанська онтологія поетичного твору міститься між романтичним трансценденталізмом, що його вчений успадкував від своїх німецьких учителів, і психологічним реалізмом, що його набуто завдяки лінгвістичним досвідам. Спрямованість уваги на такі категорії, як дух, уява, безкінечність, інтуїція, і т.д. (тобто явищ, розташованих поза межами вимірюваної дійсності), засвідчує романтичну спрямованість суджень Потебні» [Физер, 1993: 23]. Однако онтологические взгляды Потебни определялись не только и не столько предметом его занятий и особенностями личного научного метода ученого¹³, а, скорее, наоборот, они определили предмет и методику исследований По-

¹² Однако, и к ней приходится относиться осторожно, поскольку Филину свойственна манера анализа и оценки методологических позиций Потебни сквозь призму биографизма и социологизма, например: “Вопрос о более или менее точном определении классовой принадлежности Потебни весьма сложен, поскольку еще многие материалы, относящиеся к личной жизни Потебни, или неизвестны, или не проработаны” [Филин, 1935: 139].

¹³ Хотя, влияние личных качеств на результат исследования признавал, кажется, и сам А.А. Потебня: “Мне кажется, я вижу помочи, на которых вела меня судьба. Некоторая склонность к вопросам, не имеющим непосредственного, так называемого житейского назначения (каков ис-

тебни, в чем нетрудно убедиться, прочитав начало работы «Мысль и язык»: ученый во- все не был незнаком с иными онтологическими концепциями (которые, кстати, тоже использовали в своем аппарате категории, перечисленные И. Физером), однако, несмотря на это, Потебня остановился именно на трансцендентализме как онтологической концепции. Как справедливо указывает Ф. М. Березин, одной из главных основ онтологическими взглядов Потебни стала метафизика И. Канта [Березин, 1979: 124-125]. Это же отмечали и другие исследователи [Амирова, Ольховиков, Рождественский, 1975; Білодід, 1977; Кацнельсон, 1940; Кацнельсон, 1972; Мельничук, 1981; Овсянико-Куликовский, 1989, II: 484; Филин, 1941; Флоренский, 1990; Шпет 1989]. Сам Потебня среди редких упоминаний истоков своих философских взглядов дает ссылку на Локка (при объяснении идеи о непознаваемости мира) [Потебня, 1981: 119]. Мы присоединяемся к мнению о кантианских корнях онтологии Потебни, однако должны заметить, что данный вопрос еще не получил однозначного решения в истории отечественной лингвистики.

Онтология

Центр взглядов Потебни на онтологию языка составляет проблема природы языка, которую он характеризовал так: «Вопрос об отношении мысли к слову ставит лицом к лицу с другим вопросом: о происхождении языка, и, наоборот, попытка уяснить начало человеческой речи, неизбежная при всяком усилии возвыситься над массой частных данных языкознания, предполагает известный взгляд на значение слова для мысли и степень его связи с душевною жизнью вообще» [Потебня, 1993: 7]. При этом следует отметить, что вопрос об отношении мысли к слову для Потебни был равнозначен двум теоретическим вопросам современного нам языкознания, а именно, вопросу об отношении мышления к языку в 1) онтогенезе и 2) филогенезе, которые Потебня в рамках своей теории еще не разводил. На наш взгляд, привязку онтологии к генезису возникновения и формирования языка можно рассматривать как дань историзму и объективизму XIX века. Однако, в этой связи обращает на себя внимание интерес Потебни к возникновению и формированию языка не только в фило-, но и в онтогенезе, который позволяет только на основании этого признака квалифицировать взгляды Потебни как весьма близкие менталистским позициям. Однако такое предположение требует определения отношения методологических взглядов Потебни к функционально-прагматической методологической парадигме¹⁴.

Существенным пунктом онтологии Потебни является утверждение о том, что ментальная картина мира прямо не связана с миром как таковым и относится к нему опосредованно: «[все – Ю.С.] существует для меня настолько и в таком виде, насколько и как оно воспринимается мною» [Потебня, 1905: 125]. Знание о мире является только человеческим способом отражения мира, не тождественным самому миру. Находясь на кантианских основаниях в онто- и гносеологии, Потебня считает ложной идею об изоморфности человеческих представлений действительности, видя в ней предрассудок, тормозящий развитие науки: «полагали, что между обобщениями, сделанными человечес-

---

черпывающий все языкознание вопрос об отношении мысли к слову), не объясняются школою. Эту школу проходили со мною многие, иные гораздо лучше меня подготовленные к занятиям филологией» [Потебня, 1986: 135-136].

¹⁴ Мы постараемся показать ниже, что это сделал Бодуэн, который впервые строго размежевал функционирование (деятельность) личности и историю общества, тем самым противопоставив реальное синхронное субъективное бытование языка детерминирующему его виртуальному бытованию языка в обществе и его истории. Для конкретного человека нет истории и генезиса в строгом понимании (единственно реальная форма генезиса для человека – это онтогенез, о чем всерьез заговорил лишь Выготский). Для функционализма вопрос привязки языка к мышлению должен стоять в синхронно-деятельностном, прагматическом плане, а не в историко-генетическом.

кой мыслью, которые можно назвать понятиями (о волке, о лисице, собаке и т.п.), в самой действительности нет той связи, которой не было на бумаге, схематически, в мысли» [Потебня 1990: 56]. Потебня рассматривает как реальность только психологические явления, считая их проекцией фактов мира на психологическую реальность, как это справедливо отмечено в работе «Очерки по истории лингвистики» [Амирова, Ольховиков, Рождественский, 1975: 391]. Факт так называемой «объективности» мира для Потебни уходит из поля зрения в той мере, в какой он мог бы быть включен в систему научных и философских рассуждений¹⁵. Рассуждая о соответствии явлений «действительности», Потебня отмечает, что действительность хоть и безусловно существует, однако характер и формы этого существования далеко не соответствуют нашему понятию об этой «действительности». Следствием этого является восходящее к Канту [Филин, 1935: 132] утверждение Потебни о непознаваемости мира и любого его элемента во всей его полноте, как «вещи в себе» (о том же [Филин, 1935: 131-133]).

По Потебне, человек видит (чувственно воспринимает) и понимает (квалифицирует и классифицирует) мир не так, как он есть, а так, как сам человек способен это сделать. Такое человеческое видение мира для Потебни тесно связано с языком как со средством познания именно как смыслопорождения, а не как смыслообнаружения. Потебня утверждал, что в слове человек приходит впервые «к сознанию бытия темного зерна предмета. При этом следует помнить, что, конечно, такое знание не есть истина, но указывает на существование истины где-то вдаль, и что вообще человека характеризует не знание истины, а стремление, любовь к ней, убеждение в ее бытии» [Потебня, 1993: 107]. «Что же касается до критерия, до меры истинности или неистинности, – еще до работ В. Джемса писал Потебня по поводу вопроса об онтологическом статусе истины, – то ведь истинно то, что согласуется с совокупностью доступных нашему наблюдению данных, т.е. истина существует не в воздухе, а для известного лица (выделение наше – Ю.С.)» [Потебня, 1990: 68]. Истина представляет собой у Потебни не реальное, «висящее в воздухе», явление, а постоянно меняющееся, подтверждаемое практикой ментальное представление, практически значимое убеждение субъекта. Понимание смысла, вообще, и истины, в частности, как непознаваемой, недостижимой и ситуативной цели познания, как бесконечного процесса приближения к соответствию «темному зерну предмета» подчеркивается родство концепции Потебни с прагматизмом В. Джемса, позволяя рассматривать взгляды этих ученых как реализации одной методологической парадигмы: «Истинные идеи – это те, которые мы можем усвоить себе, подтвердить, подкрепить и проверить. Ложные же идеи – это те, с которыми мы не можем этого сделать» [Джемс, 1995: 100]. Субъективизм в определении истины необходимо связан с представлениями об онтологии смысла, которые сводились у Потебни к представлению о смысле как о явлении, существующем в неразрывной связи с психикой.

Из сказанного видно, что язык как предмет языкознания для Потебни в онтологическом плане представлял собой явление субъективное, существующее в непосредственной

---

¹⁵ Распространена характеристика онтологии Потебни как объективистской и реалистической (напр. [Фізер, 1993: 23; Березин, 1979: 124, 125]), связанная с употреблением Потебней слов объективный, объективировать. Приведем цитату, которая, на наш взгляд, опровергает это мнение: «Объективирование мысли в слове, когда человек как бы смотрит на свою мысль, ставшую как бы внешним предметом, есть явление переносное. На самом деле этого, конечно, не происходит. Это можно сравнить со следами ног, отпечатавшихся на песке; за ними можно следить, но это не значит, что в них содержится сама нога; в слове заключается не сама мысль, но отпечаток мысли» [Потебня, 1990: 116]. Д.Х.Остринин справедливо утверждает, что Потебня «протиставляв об'єкт суб'єктові, пов'язуючи зовнішню природу, світ речей з поняттям об'єктивного, а своєрідність людської свідомості, специфічні особливості психіки – з поняттям суб'єктивного» [Остринин, 1962: 44]. Здесь также не лишним будет отметить, что И. Кант также широко использовал термин «объективное», хотя рассматривать его трансцендентализм как «учение об объективном», основываясь лишь на этом формальном признаке, довольно сложно.

зависимости от отдельного индивида как своего носителя. Потебня понимал языковой смысл как субъективно переработанный опыт, ценность которого находится в непосредственной и постоянной связи с ее практическим применением. Все это позволяет пока предварительно охарактеризовать онтологическую позицию Потебни как реляционно-антропоцентрическую, осложненную некоторыми элементами реализма (описанные выше рефлексии идеи о приоритете социально-исторического развития языка перед субъективным бытованием) в принятой нами терминологии О.В. Лещака.

Изложенное видение онтологической позиции Потебни, как мы уже говорили, не согласуется с распространенными в лингвистике представлениями о ней как о реалистической (метафизической). Такая ситуация, в значительной степени, связана с тем, что большая часть основного труда Потебни «Мысль и язык» посвящена рассмотрению предложенных В. фон Гумбольдтом антиномий языка. Мы вынуждены остановиться на этом вопросе с целью демонстрации разницы между онтологическими представлениями Гумбольдта и Потебни, которые иногда неоправданно отождествляют.

В основу представления об онтологии языка Потебня положил заимствованную у Гумбольдта идею о языке как о непрерывно изменяющемся объекте. Однако Потебня не останавливается на просто динамическом понимании языка, а рассматривает историческое изменение языка как направленное движение во времени, прогресс, развитие. Такое развитие Потебня видел в связи с взглядом на взаимосвязь языка и мышления. Потебня, следуя за Г. Штейнталем, свел положения Гумбольдта к серии метафизических антиномий: 1) объективности и субъективности, 2) речи и понимания, 3) свободы и необходимости, 4) индивидуума (у Потебни – «неделимого») и народа, которые и подверг критике. Антиномии Гумбольдта, на наш взгляд, стали отправной точкой для всей теории Потебни, и потому имеет смысл оценивать взгляды Потебни на онтологию и гносеологию языка (но не отождествлять их) в свете антиномий Гумбольдта¹⁶.

Субъективная природа языка, по Гумбольдту, проявляется в произволе говорящего. Язык для него есть не произведение, а процесс работы духа, которая представляет собой процесс постоянного введения в язык нового мыслительного содержания: «язык есть вечно повторяющееся усилие духа сделать членораздельный звук выражением мысли» (цит. по [Потебня, 1993: 26]). Доказательством субъективности слова по отношению к действительности, им означаемой, Потебня видит принципиальную нетождественность значения слова и понятия: «содержание слова, во всяком случае, не равняется даже самому бедному понятию о предмете, и тем более неисчерпаемому множеству свойств самого предмета» [Потебня, 1993: 29]. «Слово образуется из субъективного восприятия и есть отпечаток не самого предмета, а его отражения в душе» [Потебня, 1993: 29]. Такая деятельность мысли является вполне субъективным процессом, однако, выраженная в слове, она приобретает объективную форму: «В языке образуется запас слов и система правил, посредством коих он в течение тысячелетий становится самостоятельной силой» [Потебня, 1993: 26]. Язык как инструмент когнитивного творчества, по мысли Гумбольдта, разделявшейся Потебней, является способом субъекта соотнести свою мысль с объективной действительностью. Таким образом, можно утверждать, что инструментализм Потебни как проявление методологического менталистского детерминизма (реляционизма) в данном вопросе обусловлен гумбольдтианскими установками. В то же время приведенные нами цитаты позволяют сделать вывод об ономазиологической направленности мысли Потебни: от мышления (ментально-субъективного) к речи (знаково-объективному), в то время как у Гумбольдта язык именно и прежде всего – орудие мышления и познания, а не орудие общения, каковым он прежде всего при-

---

¹⁶ Ниже мы цитируем работы В. фон Гумбольдта по А.А. Потебне, поскольку в задачи нашей работы входит не исследование концепции Гумбольдта, но изучение методологии Потебни. Рассматривать же то, что понял Потебня у Гумбольдта проще всего на основании приводимых самим Потебней цитат.

знается в функционализме. Как видим, в этом пункте Потебню можно рассматривать как довольно оригинального, работавшего в функционально-прагматическом ключе последователя идей Гумбольдта, но никак не продолжателя.

В тесной связи с антиномией объективности и субъективности находится антиномия речи и понимания, которая является, на наш взгляд, частным, хоть и чрезвычайно важным, случаем первой антиномии. Суть ее заключается в том, что слово, по Гумбольдту, представляет собой, как мы уже говорили, соединение субъективного содержания и объективной формы, которая при восприятии речи ассоциируется с субъективным содержанием уже другого человека (понимающего) [Потебня, 1993: 28-29]. Мысль перестает быть исключительной принадлежностью одного лица и становится до некоторой степени достоянием его собеседника. Следовательно, полное взаимопонимание индивидуумов, согласно этой антиномии, невозможно: «Размен речи и понимания не есть передача данного содержания (с рук на руки): в понимающем, как и в говорящем, это содержание должно развиваться из собственной внутренней силы» [Потебня, 1993: 28]. Возникает противоречие между возможностью и невозможностью передать мысль: «со стороны противоположности речи и понимания язык является посредником между людьми и содействует достижению истины в чисто субъективном кругу человеческой мысли» [Потебня, 1993: 28]. Понимание слова для Гумбольдта и Потебни есть способ восприятия чужой субъективной мысли: «сравнение личной мысли с общей, принадлежащей всем, возможное только посредством речи и понимания, есть лучшее средство достижения объективности мысли, т.е. истины» [Потебня, 1993: 28]. Язык для слушающего вводит в область объективных фактов мысль его собеседника. Для Гумбольдта и Потебни «язык, это средство не столько выражать уже готовую истину, сколько – открывать прежде неизвестную, по отношению к познающему лицу, есть нечто объективное, по отношению к познаваемому миру – субъективное» (цит. по [Потебня, 1993: 28]). Язык становится познавательным инструментом субъекта. Таким образом, антиномия объективности и субъективности языка заключается в соединении в языке субъективного мыслительного содержания и означивания ими объективных феноменов с помощью объективного, общего и говорящему и слушающему означающего (звуковой формы). Из этого Потебня определяет язык как средство означивания субъективных представлений об объективной действительности объективными (звуковыми) средствами. Язык становится средством соотнести мысль с действительностью, «вообще служит посредником между лицом и миром» [Потебня, 1993: 29].

Соединение в языке субъективного (мыслительного, «духовного» в терминологии Потебни) и объективного, формального, внешнего по отношению к субъекту поставило перед Потебней вопрос об их соотношении. Потебня в этой связи предлагает отказаться от метафизического понимания термина «дух» у Гумбольдта, заменив его значением «сознательной умственной деятельности» [Потебня, 1993: 36-37]. Дух языка как умственная деятельность, мышление становится для Потебни онтологически нетождественным языку, но генетически с ним связанным: «В середине человеческого развития мысль может быть связана со словом, но вначале она, по-видимому, еще не доросла до него, а на высокой степени отвлеченности покидает его, как неудовлетворяющее ее требованиям» [Потебня, 1993: 37]. В антиномическом определении тождества субъективного и объективного в языке, данном Гумбольдтом («без языка нет духа, и наоборот – без духа нет языка» (цит. по [Потебня, 1993: 35])), Потебня видит ошибку: «Самостоятельность языка не возбуждала бы ни малейшего сомнения, если бы не выходила бы за пределы общего закона человеческой деятельности, по которому всякое произведение становится одним из обстоятельств, обуславливающих последующую деятельность самого производителя» [Потебня, 1993: 35]¹⁷. Тяготеть здесь к деятельностному и синхро-

¹⁷ Отрываясь от нашего изложения, заметим, что отмеченное нами выше тяготение к рассмотрению генезиса языка в онтогенетическом плане, которое мы рассматриваем как важный элемент

ническому подходу, Потебня не ограничивается утверждением о вторичности языка по отношению к духу. Язык становится напрямую детерминированным психической деятельностью человека, чему, вслед за Гумбольдтом, Потебня видит подтверждения в субъективном бытовании языка. Более того, ученый рассматривает язык как фактор формирования мышления, в чем превосходит идеи Л.С. Выготского (см. [Выготский, 1982]).

Важный аспект соотношения объективного и субъективного в языке Потебня рассматривает при анализе антиномии свободы и необходимости. Основой этой антиномии является противоречие между субъективным характером бытования языка и его объективной общностью различным субъектам, разнесенным в пространстве и времени. Антиномия свободы и необходимости заключается в противоречии между полной свободой языкового творчества индивида и ограниченностью ее потребностями во взаимопонимании с другими носителями языка. Даже относительно свободное языковое творчество индивида подчинено правилам и законам языка. В этой связи возникает вопрос о соотношении в языке индивидуального¹⁸ и народного: «Говорят только отдельные лица, и с этой стороны язык есть создание неделимых; но язык как деятельность этих последних предполагает только творчество предшествующих поколений, в каждую настоящую минуту он принадлежит двоим: говорящему и понимающему, причем и говорящий и понимающий представители всего народа» [Потебня, 1993: 31]. Совмещение в языке индивидуального и народного связано с понятием духа народа, которое Гумбольдт представлял себе как объективный феномен. Потебня, напротив, приходит к противоположным выводам: «В утверждении, что язык есть создание народов, которые следует представлять себе духовными единицами, есть два члена, взаимное отношение которых должно быть определено» [Потебня, 1993: 32]. Язык для Потебни не сверхчеловеческое явление, существующее вне отдельного его носителя, а является «хотя и народным, но все же человеческим произведением» [Потебня, 1993: 32]¹⁹. Представление о языке как народном произведении, по Потебне, требует рассмотрения народа как единого целого, которое имеет основание в мысли, но никак не в опыте [Потебня, 1993: 34]. Потебня четко представлял себе спекулятивность понятия «народ», однако посчитал необходимым оставить его в своей теории, поскольку это понятие позволяет соотносить языки отдельных субъектов. Как видим, в этом вопросе Потебня тяготеет к менталистскому взгляду на объект исследования, что, в известной степени, опровергает приведенные выше утверждения о философском реализме Потебни и позволяет предположить, что в основе такой оценки лежат факторы внешние по отношению к науке.

Сказанное позволяет утверждать, что Потебня понимал язык как интересубъективное явление. Такое понимание у Потебни, кроме рассмотрения антиномий Гумбольдта, проявилось и в критике теории сознательно-намеренного происхождения языка, которая, кроме прочего, основывалась на том, что изобретенный язык его автору необходимо еще и передать другим людям. Ввиду этого, интересубъективность, общность языка как минимум нескольким людям для Потебни становится онтологической чертой языка, которая тесно связана с функцией языка как средства общения: «Так, например, язык нужен для общества, для согласного течения его дел, но он предполагает уже договор, следовательно, общество и согласие» [Потебня, 1993: 10-11].

функциональной методологии изучения языка, берет, применительно к концепции Потебни, свои истоки в борьбе против тяготения Гумбольдта к объективизации языка, которое ярко проявилось в приведенной цитате.

¹⁸ Потебня употреблял слово “неделимый” в современном значении “индивид” (ср. [Потебня, 1993: 30-39]).

¹⁹ Приведенная цитата позволяет высказать предположение о том, что Потебня противопоставлял народ отдельному индивиду и был близок к отрицанию понятия «народ» как имеющего денотат в реальности, “объективной действительности”.

Итак, на основании сказанного мы утверждаем, что онтологические взгляды Потебни в области лингвистики практически полностью укладываются в рамки антропоцентрической реляционистической онтологии как одной из составляющих функционально-прагматической методологии. Данное утверждение может быть основанием для отнесения взглядов Потебни к функционально-прагматической методологической парадигме при условии наличия в его гносеологических взглядах функционально-прагматических установок.

Гносеология

Сущность гносеологии Потебни четко и остро сформулировал Г. Г. Шпет: «Головы, в которых отверстие для проникновения идей забито прочною втулкою, воображают, что они 'в самих себе' образуют представления, которые будто бы и составляют содержание понимаемого» [Шпет, 1989: 422]. Оставляя в стороне полемический запал философа, мы соглашаемся с этими словами, считая, что именно к такому типу принадлежало человечество в сознании Потебни. Но если Шпет характеризовал познание, осуществляемое с помощью языка, мы прежде должны рассмотреть взгляды Потебни на внеязыковое познание.

Процессы познания

Поскольку для Потебни мир сам по себе непознаваем и познание возможно на основании лишь чувственно воспринимаемых нами свойств мира, то закономерно, что основной единицей познания для Потебни является именно образ, как это показал Ф.П.Филин [Филин, 1935: 143-145]. Образы представляют, по Потебне, материал познания, который постоянно апперципируется. Понятие апперцепции, которое Потебня определяет как «участие известных масс представлений в образовании новых мыслей» [Потебня, 1993: 82] лежит в центре его гносеологических взглядов. Как пример апперцепции Потебня приводит описание «самонаучения» ребенка пониманию того, что болит именно рука, когда болит рука. Для этого необходимы две вещи: 1) представление о руке и 2) наличие ощущения боли в руке. «Непреренно нужно, чтобы ощущение боли, имеющее определенное место, независимо от нашего сознания об этом, изменялось от прикосновения к больному месту [...] Таким образом, зная, что болит рука, значит признавать свой член, в котором боль, за один и тот же с тем, который доставляет такие-то впечатления зрения и осязания. Ощущение боли здесь узнается снова и проверяется, дополняется, объясняется, одним словом – апперципируется ощущениями осязания и зрения» [Потебня, 1993: 82]. Для Потебни апперцепция как средство образования новых представлений является соотношением между собой старых и установлением между ними отношения. Понятие апперцепции изоморфно определению функции как отношения. Отношение (функция), устанавливаемое в результате такого процесса, и является новым представлением. «Апперцепция не всегда может быть названа изменением объясняемого; но если это последнее имеет место, то не должно считаться существенным признаком апперцепции» [Потебня, 1993: 82]. Как видим, для Потебни апперцепция представляет собой процесс порождения знаний (понятий) на основании прежде полученных чувственных впечатлений (такой трансценденталистский (функционалистский) взгляд на процесс познания у Потебни, по нашему мнению, вызван идеями И. Канта и В. Гумбольдта). Соответственно, новые мысли возникают не из восприятий, а из имеющихся знаний индивида (как предпосылки возникновения нового знания) на основании новых восприятий: «Чем более я подготовлен к чтению известной книги, к слушанию известной речи, чем сильнее, стало быть, апперцепирующие ряды, тем легче произойдет понимание и усвоение, тем быстрее совершится апперцепция» [Потебня, 1993: 83].

Все знания человека представляются Потебне продуктами апперцепции и должны в этой связи рассматриваться как таковые: «Самые простые и самые несомненные для нас

истины, которые, по-видимому, прямо даются чувствами, на деле могут быть следствием сложного процесса апперцепции. Апперцепируемое может быть не совокупностью признаков [...], а простейшим чувственным восприятием, или одновременно данным, почти неразделимым рядом таких восприятий» [Потебня, 1993: 81]. Продуктом апперцепции для Потебни является представление, которое, будучи включено в причинно-следственный ряд мышления, только в нем реализуется и существует: «Представление есть известное содержание нашей мысли, но оно имеет значение не само по себе, а только как форма, в какой чувственный образ входит в сознание; оно – только указание на этот образ и вне связи с ним, т.е. вне суждения, не имеет смысла» [Потебня, 1993: 101]. Итак, по мысли Потебни, содержанием мышления являются даже не наши восприятия, а то важнейшее, что мы выделили в них, запомнили, соотнесли со своим представлением, то, что Потебня называет словом «суждение»²⁰, а мы можем соотнести с функционально-прагматистским понятием функции. Следует отметить, что приведенные цитаты лишь раз оттеняют апостериористские основания гносеологических взглядов Потебни, взаимодействующие с реляционистскими онтологическими взглядами.

На основании квалификации суждений как продукта апперцепции Потебня выдвигает свое понимание соотношения аналитизма и синтетизма в человеческих суждениях, несколько отходя от кантовской позиции в данном вопросе. Согласно Потебне, каждое базирующееся на восприятии суждение можно разложить на составляющие, а само суждение представить как результат апперцепции. «Всякое суждение есть акт апперцепции, толкования, познания, так что совокупность суждений, на которые разложился чувственный образ, можем назвать аналитическим познанием образа. Такая совокупность есть понятие» [Потебня, 1993: 112]. Соответственно, любое представление, любое понятие как результат апперцепции представляет собой и в генетическом и в актуальном плане продукт синтетического суждения и всегда может быть к нему сведено [Потебня, 1993: 109-110]. «С точки зрения языка нужно прибавить, что такое разложение чувственного образа (разложение на элементы как синтетического – Ю.С.) может осуществиться только посредством соединения его с другой подобной единицей, так что в суждении, насколько оно выражено сочетанием не менее двух слов, можно видеть не только разложение единицы, но и появление единства из двойственности» [Потебня, 1993: 109].

Выводы

Как видим, теория познания Потебни вся подчинена ментализму как онтологической установке в исследовании языка и является, на наш взгляд, следствием антропоцентрической онтологической установки ученого. Взгляд на познание как на постоянный процесс приведения знаний в соответствие данным опыта исключает предположение об априоризме как характеристике гносеологии Потебни и, напротив, позволяет говорить об гносеологическом апостериоризме Потебни.

К сожалению, нам неизвестны высказывания Потебни, которые бы дали возможность однозначно установить его взгляд на знание как на продукт пассивной (индуктивной) / активной (дедуктивной) познавательной деятельности индивида. Такая неопределенность позволяет предположить, что Потебне были бы не чужды как функционалистские, так и позитивистские представления в гносеологии. Однако, учитывая антропоцентрические реляционистские онтологические представления Потебни, мы предполагаем, что Потебня должен был тяготеть все же к апостериорному дедуктивизму в гносеологии. В любом случае, взгляд на познание как на постоянный процесс приведения знаний

---

²⁰ Напомним, что у И. Канта апперцепция касается только способности восприятия и созерцания, все же, что касается дискурсивного способа познания = мышления, сопряжено с понятием мыслительного предвосхищения = антиципации. Все это позволяет предположить значительное влияние на Потебню идей Д. Юма, чью терминологию, кажется, он и воспроизвел.

субъекта в соответствии опыту исключает предположение об априоризме гносеологии Потебни и, напротив, заставляет говорить о гносеологическом апостериоризме Потебни.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Амирова, Ольховиков, Рождественский, 1975: Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В. Очерки по истории лингвистики.– М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1975.– С.559.
2. Бахтин, 1975: Бахтин М.М. Проблема содержания материала и формы в словесном художественном творчестве // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. –М.: Худож. лит., 1975. – С. 6-71.
3. Березин, 1979: Березин Ф.М. История русского языкознания / Учеб. пособие для филол. специальностей.– М.: Высш. школа, 1979. – С.223.
4. Білодід, 1977: Білодід О.І. Граматична концепція О.О. Потебні.– К.: Вища школа, 1977.– С. 304.
5. Білодід, 1981: Білодід О.І. Частини мови у граматичному вченні О.О.Потебні // Потебнянські читання / АН УРСР; Інститут мовознавства ім. О.О. Потебні. - К.: Наукова думка, 1981.– С. 22-40.
6. Бондарко, 1985: Бондарко А.В. Из истории разработки концепции внеязыкового содержания в отечественном языкознании XIX века (К.С.Аксаков, А.А. Потебня, В.П. Сланский) // Грамматические концепции в языкознании XIX.– М.–Л.: Наука, 1985.– С. 79-123.
7. Бондарко, 1987: Бондарко А.В. Введение. Основания функциональной грамматики // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис.– Л.: «Наука», 1987.– С. 5-39.
8. Боравлев, 1992: Боравлев А.А. Морфологические категории русского глагола.– Тернополь: Государственный пединститут, 1992.– С.168.
9. Выготский, 1982.– Т. 2. Проблемы общей психологии / Под. ред. В.В.Давыдова.– С.504.
10. Глущенко, 1998, I: Глущенко В. А. Принципи порівняльно-історичного дослідження в українському і російському мовознавстві (70-і рр. XIX ст. – 20-і рр. XX ст.) / НАН України, Ін-т мовознавства ім. О.О.Потебні; відп. ред. О.Б.Ткаченко. - Донецьк, 1998.– С.222.
11. Глущенко, 1998, II: Глущенко В.А. Принципи порівняльно-історичного дослідження в українському і російському мовознавстві (70-і рр. XIX ст. - 20-і рр. XX ст.): Автореф. дис... докт. філол. наук (10.02.15) / НАН України; Інститут мовознавства ім. О.О. Потебні. - К., 1998.– С.36.
12. Джемс, 1995: Джемс В. Прагматизм // Джемс В. Прагматизм / Джемс В.; Пер. с англ. П. Юшкевича. Прагматизм / Ебер М.; Пер. с фр. З. Введенской. Про прагматизм / Юшкевич П.– К.: Украина, 1995.– С.3-154.
13. Иваньо, Колодная, 1976: Иваньо И.В., Колодная А.И. Эстетическая концепция А.Потебни // Потебня А. А. Эстетика и поэтика / Ред. коллегия: М.Ф.Овсянников (пред.) и др. Сост., вступ. статья и примеч. И.В.Иваньо и А.И. Колодной.– М.: Искусство, 1976.– С. 9-34.
14. Кацнельсон, 1985, I: Кацнельсон С.Д. История типологических учений // Грамматические концепции в языкознании XIX века.– Л.: Наука, 1985.– С. 6-58.
15. Кацнельсон, 1985, II: Кацнельсон С.Д. Теоретико-грамматическая концепция А.А. Потебни // Грамматические концепции в языкознании XIX века.– Л.: Наука, 1985.– С. 59-78.
16. Колесов, 1985: Колесов В. В. Сравнительно-исторический метод в трудах А.А. Потебни // Наукова спадщина О.О. Потебні і сучасна філологія. До 150-річчя з дня народження О.О.Потебні: Зб. наук праць / Відп. ред. В.Ю.Франчук.– К.: Наук. думка, 1985.– С. 25-39.
17. Крымский, 1967: Крымский С. Потебня Александр Афанасьевич // Философская энциклопедия.– М.: Советская энциклопедия, 1967.– Т.4.– С. 327.
18. Кубрякова, 1978: Кубрякова Е.С. Части речи в ономаσιологическом освещении.– М.: Наука, 1978.– С.14.
19. Острианин, 1962: Острианин М.Х. Філософське значення наукової спадщини О.О. Потебни // Олександр Опанасович Потебня. Ювілейний збірник до 125-річчя від дня народження.– К.: АН УРСР, 1962.– С. 40-56.
20. Потебня, 1864: Потебня А.А. О связи некоторых представлений в языке // Филологические записки.– 1864. – Вып. 3.– С. 137-168.
21. Потебня, 1905: Потебня А.А. Из записок по теории словесности.– Харьков, 1905.– С.162.

22. Потебня, 1914: Потебня А. А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. / Изд. М.В. Потебни.– Харьков: Тип. «Мирный труд», 1914.– С.162.
23. Потебня, 1941: Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. IV: Глагол. Местоимение. Числительное. Предлог / АН СССР; Институт языка и мышления им. Н.Я. Марра – М.– Л.: АН СССР, 1941.– С.320.
24. Потебня, 1958: Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. I-II.– М.: Учпедгиз, 1958.– С. 536.
25. Потебня, 1962: Потебня А. А. Вступительная лекция к исторической грамматике русского языка // Олександр Опанасович Потебня. Ювілейний збірник до 125-річчя від дня народження. - К.: АН УРСР, 1962.– С. 57-62.
26. Потебня, 1976: Потебня А. А. Эстетика и поэтика / Ред. коллегия: М. Ф. Овсянников (пред.) и др. Сост., вступ. статья и примеч. И.В.Иваньо и А.И. Колодной. – М.: Искусство, 1976.– С.614.
27. Потебня, 1981: Потебня А.А. История русского языка. Лекции, читанные в 1882/3 академическом году в харьковском университете (Публикация С.Ф.Самойленко) // Потебнянські читання / АН УРСР; Інститут мовознавства ім. О.О.Потебні. - К.: Наукова думка, 1981.– С. 119-168.
28. Потебня, 1986: Потебня А.А. Автобиографическое письмо // Франчук В.Ю. А.А. Потебня: Кн. для учащихся.– М.: Просвещение, 1986.– С. 134-138.
29. Потебня, 1990: Потебня А.А. Из лекций по теории словесности // Потебня А.А. Теоретическая поэтика / Сост., вступ. ст., коммент. А.Б. Муратова.– М.: Высшая школа, 1990.– С. 55-131.
30. Потебня, 1993: Потебня А. А. Мысль и язык.– К: Синто, 1993.– С.192.
31. Паршин, 1996: Паршин П. Б. Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века // Вопросы языкознания.– 1996. – № 2. – С. 19-41.
32. Ситько, 2002, I: Ситько Ю.Л. Эскиз гносеологии А. А. Потебни // Материалы научной конференции «Ломоносовские чтения» 2002 года и Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов – 2002»/ Под. ред. В.А.Иванова, В.И.Кузищина, А.Н. Новачихиной, В.А.Трифоновой. – Севастополь: НППЦ «ЭКОСИ-Гидрофизика», 2002. – С. 115-117.
33. Соколов, 1903: Соколов Н. Н. [рец.] Синтаксис русского языка в исследованиях Потебни. Изложил И.Белорусов. Орел, 1902 // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности.– 1903.– Т. 8. Кн. 2.– С. 347-366.
34. Супрун, 1971: Супрун А.Е. Части речи в русском языке.– М.: «Просвещение», 1971.– С.136.
35. Федорова, 1981: Федорова М.В. об «эзоповом языке» в трудах А. А. Потебни // Потебнянські читання / АН УРСР; Інститут мовознавства ім. О.О. Потебні. - К.: Наукова думка, 1981.– С. 102-114.
36. Филин, 1935: Филин Ф.П. Методология лингвистических исследований А.А. Потебни. // Язык и мышление, т. 3-4.– М.–Л.: АН СССР, 1935.– С. 121-160.
37. Филин, 1941: Филин Ф. Предисловие // Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. IV: Глагол. Местоимение. Числительное. Предлог / АН СССР; Институт языка и мышления им. Н.Я. Марра – М.– Л.: АН СССР, 1941.– С. 5-12.
38. Филин, 1951: Филин Ф.П. О некоторых важнейших ошибках в разработке истории русского языка // Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании: Сборник статей / Под ред. акад. В.В.Виноградова и Б.А.Серебрянникова. Ч. I.– М.: АН СССР, 1951.– С. 351-365.
39. Физер, 1993: Физер І. Психолінгвістична теорія літератури Олександра Потебні: Метакритичне дослідження. - К.: КМ Academia, 1993.– С.112.
40. Флоренский, 1990: Флоренский П.А. У водоразделов мысли // Сочинения в 2-х тт. – М.: Правда, 1990.– Т. 2.– С. 17-350.
41. Франчук, 1975: Франчук В.Ю. Олександр Опанасович Потебня.– К.: Наукова думка, 1975.– С. 52.
42. Франчук, 1986: Франчук В.Ю. А.А. Потебня: Кн. для учащихся.– М.: Просвещение, 1986.– С.143.
43. Франчук, Рождественский, 1990: Франчук В.Ю., Рождественский Ю.В. Харьковская лингвистическая школа // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева.– М.: Сов. энциклопедия, 1990.– С. 569-570.
44. Шпет, 1989: Шпет Г.Г. Сочинения / Приложение к журналу «Вопросы философии». Пред. Е.В.Пастернак.– М.: Правда, 1989.– С.602.

45. Щерба, 1957: Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку.– М.: Учпедгиз, 1957.– С. 63-84.
46. Щерба, 1974: Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность.– Л.: Наука, 1974.– С.428.

ARBEIT AM LITERARISCHEN TEXT

Der literarische Text zeichnet sich durch die Einheit von Sprachform und Inhalt der Darstellungsmethoden der Wirklichkeit, der Zugehörigkeit zu den verschiedenen funktionalen Stilen aus. Die künstlerischen Texte unterscheiden sich voneinander nach der Gattung, Epoche und Kunstrichtung.

Diese Texte werden durch übertragene Wortbedeutung, Expressivität, besondere Wortfolge, ständigen Wechsel der Erzählperspektive und der Darstellungsarten charakterisiert. Außerdem spielt die Dichterpersönlichkeit eine bedeutende Rolle. Die Idee des Verfassers kommt verschiedenartig zum Ausdruck: in der Stoffwahl, in der Schilderung bestimmter Tatsachen und Situationen, in Hinweisen und Zusammenfassungen des Erzählers oder der handelnden Personen.

Die Arbeit am künstlerischen Text ist komplizierter als an anderen Texten, weil er nicht nur semantische, sondern auch ästhetisch-künstlerische Informationen enthält.

Die Untersuchung des literarischen Textes fordert eine Synthese von Sprach- und Literaturwissenschaft. Das unterstreichen in ihren Arbeiten V. V. Vinogradov, E.G. Riesel, M.P. Brandes und viele andere.

Der Struktur nach ist der literarische Text ein geschlossenes System, in dem alle Elemente zusammengebunden sind, in dem der Inhaltsplan den Ausdrucksplan bestimmt.

Eine weitere Besonderheit des künstlerischen Werks besteht darin, dass in seinem Mittelpunkt der Mensch mit seinen Gedanken, Gefühlen und Erlebnissen steht. Alle Ereignisse, die im Werk beschrieben werden, dienen der allseitigen Darstellung des Menschen.

Jedes künstlerische Werk beginnt mit dem Titel. Der Titel kann das Hauptthema oder die Hauptidee des ganzen Werkes ausdrücken. Diese Funktion des Titels bedingt seine Verbindung mit dem ganzen Werk, aber sein Sinn wird erst nach dem Lesen des ganzen Werks verständlich. Der Titel kann eine symbolische („Das Schafott“, „Der Totentanz“) oder thematisch-bewertende Funktion („Drei Kameraden“, „Goya oder der arge Weg der Erkenntnis“) erfüllen. In jeder Funktion tritt der Titel als ein organisatorischer Bestandteil des ganzen literarischen Werks auf.

Das Hauptthema des literarischen Textes umfasst verschiedene thematische Linien und findet im Sujet seinen Ausdruck.

Das Sujet ist eine Handlungsentwicklung, die in der Einführung, im Knotenpunkt, in der Weiterführung der Handlung, der Kulmination und Lösung seinen Ausdruck findet. Neben dem Thema spielt die Idee des Werks eine große Rolle bei der Erschließung des Inhalts eines literarischen Werks. Unter der Idee ist die wertende und emotionale Seite des literarischen Werkes zu verstehen. Sie ist mit der ganzen künstlerischen Struktur des Werkes verbunden. Die Idee bildet den einheitlichen Sinn des Werkes.